

DOI 10.22363/2312-9220-2019-24-2-196-203

УДК 821.16.1

Трансформация образа дома в дневниках Ирины Кнорринг

Н.Н. Кознова

Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18

В статье на материале дневников поэта-эмигранта первой волны Ирины Кнорринг (1906—1943) проводится подробный контекстный анализ, направленный на выявление разнообразных модификаций одного из ключевых образов повествования — образа дома. В ходе анализа становится очевидным смысловое расширение образа: от родовой усадьбы до большого города, от него — к России как огромной стране-дому, и далее — к миру как земному шару, в космическом, планетарном значении. Авторское переосмысление архетипического понятия «дом» происходит постепенно под влиянием меняющихся общественно-политических и историко-культурных обстоятельств в России первой половины XX века. В результате становится понятным особое тяготение поэта к дневниковым жанровым формам не только в прозе, но и в поэзии, ставшей, по утверждению современников И. Кнорринг, «дневником ее женской души».

Ключевые слова: дневник; образ дома; контекст; повествование; автор; поэзия; проза; история; культура

Словесное творчество — важнейшая составляющая бытия русских эмигрантов первой волны, прошедших сквозь горнило революции и Гражданской войны, пытавшихся устроить свою жизнь в ином времени и пространстве. Одной из самых удобных и подходящих литературных форм для людей, навсегда потерявших Родину, стал дневник. Интерес к дневниковому жанру наблюдается почти у всех представителей литературной эмиграции: З. Гиппиус, И. Бунина, Б. Зайцева, И. Одоевцевой, Н. Берберовой, Г. Иванова, М. Осоргина, М. Цветаевой и др. Однако если для писателей старшего поколения ведение дневника было частью литературной деятельности, а написанное в большинстве случаев адресовалось массовой читательской аудитории, то для младших собратьев по перу, в том числе и Ирины Кнорринг, дневник стал потребностью души, попыткой разгадать себя. Приступая к дневниковым записям, юная Ирина ставит перед собой задачу — «...вдуматься в свои мысли, заглянуть в свою душу и разобраться, что во мне — правда, что — ложь» [1. С. 7]. Следовательно, дневник для будущего поэта имеет глубоко личностный, психологический смысл.

Справедливо суждение исследователя О.Г. Егорова о том, что в дневниках «мы имеем дело не с посредниками, не с “заменителями” личности автора, а с самой личностью в ее глубинах и основах. Дневник не отражает, не рисует образ человека — он часть его самого, деталь души, поступков, характера» [2. С. 1]. Ирина

Кнорринг начала вести свой дневник в одиннадцатилетнем возрасте и продолжала до конца жизни (с 1917 по 1942 г.). Озаглавленный как «Повесть из собственной жизни», он впервые был опубликован в 2009 (Том 1) и 2013 (Том 2) годах.

Анализ обеих книг подтверждает, что от первоначального замысла дневника как «повести о себе» и близком своем окружении автор постепенно переходит к повествованию о жизни огромной страны, размышляет о судьбах своего поколения. В этом же направлении (от частного — к общему, от детализации — к обобщению) происходит развитие основных образов дневникового повествования. Образ дома — один из центральных в дневниковом тексте поэтессы. Наша задача выяснить, как изменяется он в ходе повествования и с чем связана его трансформация.

Нельзя не отметить, что воспроизведение образа дома в мировой и отечественной литературе имеет глубокие многовековые традиции. Д.С. Лихачев, обращаясь к памятникам древнерусской литературы, отмечал единство и слитность понятия «дом» с образом Русской земли, демонстрирующие превосходство «общего и исторического над индивидуальным» [3. С. 181].

Позже феномен «дома», по мнению Т.И. Родомской, становится особенно значимым в творчестве отечественных писателей первой трети XIX века: А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова. Именно в это время, полагает исследовательница, «европеизированная русская культура <...> обращается к своим отечественным истокам и встает перед проблемой сохранения и развития национального в новой постпетровской культурной ситуации, восстановления цельности духовного общественного сознания» [4. С. 4].

Особый интерес представляет разработка концепции «дома», предложенная Ю.М. Лотманом, в основу которой положено представление о «бинарности» культурной картины мира, ее разделенности на две части: «своего» (внутреннего пространства) и «чужого» (внешнего). Основываясь на этом предположении, ученый представил образ дома как некий участок семиосферы, как «свое» пространство, отделенное от «чужого» [5. С. 256]. Дом, согласно данной теории, соотносится со «своим» пространством и в рамках мифопоэтического мышления понимается как модель космоса, упорядоченная и структурированная, в то время как «чужое» пространство ассоциируется с хаосом, отличается неорганизованностью и даже враждебностью по отношению к человеку. «Как это бинарное разбиение интерпретируется зависит от типологии культуры, — утверждает ученый. — Однако само такое разбиение принадлежит к универсалиям» [5. С. 256].

В дальнейшем, отталкиваясь от теории Ю.М. Лотмана, отечественные исследователи интерпретировали образ дома в русской классической литературе либо как устойчивый образ «дома-гнезда», символизирующий «свое пространство» (в творчестве И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и др.), либо как образ разрушенного, разворошенного «гнезда» (в творчестве М. Булгакова, М. Шолохова, А. Платонова, Б. Пастернака и др.). Утратив дом, человек терял очень много: связи с прошлым, памятью, свои родом, духовными традициями, — и оказывался в «чужом» пространстве одиноким, неприкаянным. Именно в таком направлении о «доме» и «бездомье» в творчестве А. Блока и М. Булгакова размышлял В.Я. Лакшин, считая «дом» традицией, нормой жизни, нераз-

рушенной культурой», а «бездомье» — потерей такой традиции, нормы и разрушением культуры [6]. Как справедливо полагают исследователи нового времени (Э.И. Дергачева, А.И. Разувалова), прозой 1920-х годов было запечатлено расщепление когда-то единой аксиологической системы, в результате чего дом как родовое гнездо перестал существовать, а человек оказался выброшенным в чужое, хаотично устроенное пространство [7; 8].

Все, сказанное выше, имеет немаловажное значение для представления концепции образа дома в прозе писателей эмигрантов первой волны, а также в их мемуарах, дневниковых записях, эпистолярном наследии, поскольку здесь прослеживается явное разрушение традиционных представлений о «доме-гнезде», культурных и духовных традициях, связанных с ним, а также наличие биполярности мира в виде «своего» и «чужого», упорядоченного пространства и хаоса, сопровождающего эмигрантов на протяжении всей их жизни вне России. Слова Ю.М. Лотмана, сказанные о поэзии А.С. Пушкина, в которой «тема дома становится идейным фокусом, вбирающим в себя мысли о культурной традиции, истории, гуманности и “самостоянии человека”» [9. С. 265], вполне применимы к дневниковой прозе И. Кнорринг.

Образ дома занимает одно из центральных мест в системе духовных ценностей героини дневника, особо значим он и в общей структуре текста. Первое упоминание о доме в дневнике Кнорринг связано с родовым именем семьи в заволжском селе Елшанка. «Мой воздушный замок — семейный очаг. К нему длинная, трудовая дорога ведет, и ключ от замка — Елшанка», — записывает И. Кнорринг 12 сентября 1917 г. [1. С. 44]. Даже в такой короткой записи прослеживается двойственный подход к осмыслению понятия «дом»: с одной стороны, перед нами традиционный литературный хронотоп: «дом — семейный очаг», с другой, индивидуальный художественный образ — «воздушный замок», существующий в воображении поэта.

В дальнейшем неоднозначная позиция автора дневника, поэта по сути, к восприятию окружающей действительности только укрепляется. Как свидетель значимых исторических событий Ирина Кнорринг стремится исполнить роль летописца, тяготея к объективности изображения, реалистичности, фактографичности, документальности. Как поэт, наделенный творческим видением, она рисует происходящее под иным, только ей известным, углом зрения. Так, и описание родительского дома как «семейного очага» состоит из множества милых сердцу автора предметов: чашечки кофе на старинном столике, собранного летом гербария, книг из семейной библиотеки, нот, рисунков, плетеных ковриков. Однако, по утверждению Л.Я. Гинзбург, даже «в документальном контексте, воспринимаемом эстетически, жизненный факт испытывает глубокие превращения», и в нем возникает «качество художественного образа» [10. С. 13].

Отмеченные выше, казалось бы, простые бытовые мелочи в дневнике И. Кнорринг олицетворяют уют, покой, стабильность семейной жизни, единение с поколениями близких людей, живших в этом доме. Но пространство дома кардинально меняется, его детальная конкретика отступает на второй план в период творческих взлетов девочки-поэта. Создавая свои сюжеты, она переносится в сказочный мир. «Это было во времена чудес. На свете жила прекрасная женщи-

на-царица. Ее дворец находился на западе. Против востока. Он был сделан из чистого хрусталя» и т.п. [1. С. 44].

По мере взросления автора дневника образ дома частично замещают картинки из гимназической жизни. Гимназия — второй близкий и дорогой душе героини «дом», представленный вполне документальными образами: классными комнатами, уроками, одноклассницами, учителями, гимназическим журналом «Секрет», школьными праздниками и т.д. С точки зрения хронотопической классификации гимназия — «образ-порог», рубеж, постепенный переход из детской во взрослую жизнь. В этот момент для героини значительно расширяется пространственное восприятие мира. В дневниковых записях начинают активно проявляться социально-исторические детали и события, связанные с реалиями революционного и постреволюционного времени. Здесь уже нет места детской фантазии, несмотря на юный возраст автора, происходящие события излагаются сухо, емко, почти протокольно. Чувство прочности и незыблемости «семейного очага» стремительно разрушается и вскоре исчезает совсем из дневникового повествования.

«9 апреля 1918. Вторник

Вчера пришли в Харьков немцы. Всю ночь мы слышали пушечные выстрелы. И на Холодной горе видели огонь. Утром я слышала канонаду, но пошла в гимназию» [1. С. 65].

«19 ноября 1918. Вторник

<...> В городе неспокойно. На улицах стоят пулеметы, на Павловской площади перестрелка» [1. С. 83—84].

«29 апреля 1919. Вторник

<...> Новость № 1: нас выселяют из дома. Будет в нашем доме карательный отряд. Может быть, в наших комнатах будут пытки!» [1. С. 92].

Далее образы и события, имеющие как автобиографическое, так и общественно-историческое значение, будут очень тесно переплетены. Теперь дом в представлении автора дневника — это не только усадьба в Елшанке, собственная комната с полкой книг или гимназический класс, но и вся страна, Россия. О доме в дневнике И. Кнорринг можно говорить как об образе-мотиве, получившем с течением времени огромное расширение в смысловом плане.

Семье Кноррингов в годы Гражданской войны пришлось сменить несколько квартир в разных городах на юге России (Харьков, Ростов, Туапсе, Севастополь). С одной стороны, с каждым новым переездом географическое пространство вокруг Ирины Кнорринг расширяется и дает простор для новых жизненных открытий. С другой — общая бытовая неустроенность, хаос и разруха в большом «доме-стране» сливаются в одну общую картину развороченного, поруганного домашнего очага. Любимый «город-дом» будто бы вытесняет своих жителей, сдвигает с насиженных мест. С каждым днем личное пространство семьи Кноррингов все более сужается, а «чужое» пространство прочно и надолго входит в их новую жизнь. Теперь нет не только собственного отдельного дома, квартиры или комнаты, но даже маленького уголка, где можно побыть наедине со своими мыслями, отдохнуть, о чем-то подумать. «Спим мы здесь на партах. Я на аспидной доске, положенной на пюпитры», — рассказывает Ирина (из туапсинских записей 3 ян-

варя 1920 г.) [1. С. 109]. «Сию я здесь, в этой комнате, вижу вокруг себя незнакомые, чужие лица, чужие вещи, странную чужую обстановку» [1. С. 133]. Не случаен троекратный повтор слова «чужой» рядом с местоимением «я». Вокруг героини дневника «чужой» и чуждый мир, заменивший свой, близкий «дом». Однако за будущее общего «дома-России» юный автор вместе со взрослыми своими современниками ощущает огромную ответственность. «Больше всего я люблю Россию, — признается Ирина. — И полюбила ее только теперь, когда она, как маленький беззащитный ребенок, протягивала к нам руки и призывала нас спасти ее» [1. С. 126].

Чем дальше оказывается И. Кнорринг от родных мест, тем ярче вырисовывается в ее записях собирательный образ общего большого дома — России. Этот образ мифологизируется в дневнике, представляясь то сказочно-прекрасным: «... Кажется мне, что завтра я проснусь далеко от этого Туапсе, на родимых берегах матушки Волги, и вместо этих чуждых кавказских гор меня буду манить Жигули, бледное северное небо, липа да береза», то трагически страдающим: «Привет тебе, мой милый окровавленный север! Волга налилась кровью, широкие луга усеяны трупами революции» [1. С. 133].

Автором подробно описываются странствия семьи, побег из Советской России, вынужденная эмиграция. Путь из Крыма в Бизерту вместе с Русской эскадрой оказывается очень тяжелым и безвозвратным, понятно, что это — «билет в одну сторону». Связь с «домом-Россией» обрывается навсегда.

Перемещение семьи Ирины на военном корабле из Севастополя в Бизерту — высшая, кульминационная точка первой книги, символизирующая полный разрыв с «домом-гнездом» во всех его образных проявлениях: от потери своей комнаты с полкой любимых книг до расставания с Родиной. Беженцы оказываются подвластны морским волнам, находясь на корабле, и волнам жизненным, волнам судьбы, выбросившей их за пределы России. Пространство вокруг теперь сужается до «точки» — маленькой, темной каюты. Зыбкое, неустойчивое состояние на палубе корабля переходит в такое же шаткое, изменчивое внутреннее состояние. Но когда «кульминационная точка» пройдена, время и пространство вновь начинают обретать привычные ориентиры. Люди начинают как-то обустраивать свою жизнь, быт теперь уже на чужой земле.

Временным пристанищем для Ирины и ее семьи становится лагерь беженцев Сфаят близ города Бизерта. Однако своей неустроенностью, бедностью, почти приравненной к нищете, казарменные бараки, в которых размещают беженцев, даже отдаленно не напоминают прошлый уютный «дом». В одной из дневниковых записей Ирина с отчаянием восклицает: «О, Господи! Будет ли когда-нибудь такое время, когда в комнате можно будет сидеть без пальто, когда ночью не надо будет покрываться шубами, когда ветер не будет открывать дверь и тушить лампу? Будут ли у меня когда-нибудь новые туфли, целые чулки и хотя бы две смены белья? Сделают ли нам, наконец, окно?» [1. С. 232]. Особенно угнетает автора дневника отсутствие личного пространства, состояние духовной обнаженности, когда «вся жизнь проходит на глазах у других, когда нет ни минуты уединения» [1. С. 240]. «Разве можно быть счастливым в Бизерте русскому? — спрашивает себя Ирина. И отвечает: Никогда!» [1. С. 247].

В 1925 году семья Кноррингов переезжает во Францию. Однако чувство «семейного очага», не возникает и там, а чувство неустроенности жизни еще более усиливается. Ирина, например, жалуется, что долго не писала дневник «только потому, что нет в своей комнате своего стола» [1. С. 494]. К Парижу у автора дневника складывается неоднозначное отношение: как к временному пристанищу, где она только гость, и красивейшему городу мира, по которому можно ходить, как по музею, любоваться парками, садами, площадями, соборами. Часто в этом городе Ирина чувствует себя одинокой, и более всего — в литературной среде. Даже с появлением собственной семьи, рождением сына не восстанавливается в ее сознании образ прежнего «дома-гнезда».

В дневниковых записях упоминаются лишь съемные квартиры, чужие комнаты, казенные заведения, кафе, залы заседаний, где проходят литературные вечера поэтов. Россия также перестает ею восприниматься как дом. Как-то на слова М. Слонима о том, что и советскую литературу он ощущает своей, и Россию продолжает чувствовать родиной, Кнорринг заметила: «Я Россию своей родиной не чувствую, у меня нет никакой родины, а привычной родиной мне стал быт эмигрантщины. А советская литература для меня такая же чужая, как перевод с латинского» [11. С. 274]. Размышляя о будущем подрастающего сына, Ирина мечтает, чтобы он стал «человеком мира», «космополитом», который везде будет «чувствовать себя как дома». Когда в 1940 году в Париж вошли немцы, Кнорринг записала в дневнике: «Первые дни я чувствовала себя француженкой <...>, а теперь — иностранкой и иностранкой всегда и везде» [11. С. 393].

Итак, проведенный текстовый анализ дневников И. Кнорринг позволяет выявить целый ряд смысловых и художественных трансформаций образа дома, причиной которых стали как внешние — историко-политические, общекультурные факторы, так и внутренние — психологические, философско-мировозренческие, причем последние в значительно большей степени. Дневниковые записи свидетельствуют о том, как постепенно и безвозвратно утрачивала героиня ощущение «родового гнезда» и в последние годы своей жизни, оказавшись «везде иностранкой», сосредоточилась лишь на творчестве. О стихах И. Кнорринг ее современница, писательница Г. Кузнецова, отозвалась как о «дневнике», а М. Цетлин назвал их более определенно: «дневником женской души». Таким образом, метафорическим замещением «дома», в котором уютно душе, куда хочется возвращаться снова и снова, стал для поэтессы ее дневник — своеобразное «внутреннее пространство» творческого человека, зеркально отражающее то, что было особенно дорого и значимо в жизни.

© Кознова Н.Н., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Список литературы

- [1] *Кнорринг И.Н.* Повесть из собственной жизни: дневник: в 2 т. Т 1. М.: Аграф, 2009. 608 с.
- [2] *Егоров О.Г.* Дневники русских писателей XIX века: исследование. М.: Флинта; Наука, 2002. 285 с.

- [3] *Лихачев Д.С.* Избранные работы: в 3 т. Т. 2. Л.: Худож. лит., 1987. 496 с.
- [4] *Радомская Т.И.* Дом и Отечество в русской классической литературе первой трети XIX в. Опыт духовного, семейного, государственного устройства. М.: Совпадение, 2006. 240 с.
- [5] *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 703 с.
- [6] *Лакшин В.Я.* О Доме и Бездомье (А. Блок и М. Булгаков) // *Литература в школе.* 1993. № 3. С. 13—17.
- [7] *Дергачева Э.И.* Дом и история в романе М. Осоргина «Сивцев Вражек» // Михаил Осоргин: страницы жизни и творчества: материалы научной конференции «Осоргинские чтения» (23—24 ноября 1993 г.). Пермь: Пермский ун-т, 1994. С. 56—64.
- [8] *Разувалова А.И.* Образ дома в русской прозе 1920-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004. 25 с.
- [9] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- [10] *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. О литературном герое. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 704 с.
- [11] *Кнорринг И.Н.* Повесть из собственной жизни: дневник: в 2 т. Т. 2. М.: Аграф, 2013. 592 с.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 февраля 2019

Дата принятия к печати: 28 февраля 2019

Для цитирования:

Кознова Н.Н. Трансформация образа дома в дневниках Ирины Кнорринг // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика.* 2019. Т. 24. № 2. С. 196—203. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-2-196-203>

Сведения об авторах:

Кознова Наталья Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. eLIBRARY SPIN-код: 7867-0682. Контактная информация: e-mail: nkoznova@mail.ru

The transformation of the image of the house in the diaries of Irina Knorring

Natalia N. Koznova

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
18 Bolshaya Morskaya St., Saint Petersburg, 191186, Russian Federation

In this article, based on the material of the diaries of the first wave reader Irina Knorring (1906—1943), which are little-known to the modern reader, a detailed contextual analysis is carried out aimed at identifying various modifications of one of the key images of the story — the image of the house. In the course of the analysis, the semantic expansion of the image becomes obvious: from the ancestral estate to the big city, from it to Russia, as a huge country-home, in space, planetary meaning. The author's rethinking of the archetypal concept of "home" occurs gradually under the influence of changing socio-political, historical and cultural circumstances in Russia and the world as a whole in

the first half of the 20th century. As a result, it becomes clear the particular poet to the diary genre forms, not only in prose, but also in poetry, which, according to contemporaries I. Knorring, “the diary of her female soul”.

Keywords: diary; image of the house; context; narration; author; poetry; prose; history; culture

References

- [1] Knorring I.N. *Povest' iz sobstvennoi zhizni: dnevnik* [*The story of her own life: Diary: in 2 vol. Vol. 1*]. Moscow: Agraf Publ., 2009. 608 p. (In Russ.)
- [2] Egorov O.G. *Dnevniky russkikh pisatelei XIX veka: issledovanie* [*Diaries of Russian writers of the XIX century: Research*]. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 2002. 285 p. (In Russ.)
- [3] Likhachev D.S. *Izbrannye raboty: v 3 t. T. 2* [*Selected works: in 3 vol. Vol. 2*]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 496 p. (In Russ.)
- [4] Radomskaya T.I. *Dom i Otechestvo v russkoi klassicheskoi literature pervoi treti XIX veka. Opyt dukhovnogo, semeinogo, gosudarstvennogo ustroeniya* [*Home and Fatherland in Russian classical literature of the first third of the XIX century. Experience spiritual, family, state dispensation*]. Moscow: Sovpadenie, 2006. 240 p. (In Russ.)
- [5] Lotman Yu.M. *Semiosfera* [*Semiosphere*]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPb Publ., 2001. 703 p. (In Russ.)
- [6] Lakshin V.Ya. O Dome i Bezdom'e (A. Blok i M. Bulgakov). *Literatura v shkole*. 1993. No. 3. Pp. 13–17. (In Russ.)
- [7] Dergacheva E.I. Dom i istoriya v romane M. Osorgina “Sivtsev Vrazhek”. *Mikhail Osorgin: stranitsy zhizni i tvorchestva: Nauchnaya konferentsiya “Osorginskie chteniya” (23–24 noyabrya 1993)*. Perm': Permskii universitet, 1994. Pp. 56–64. (In Russ.)
- [8] Razuvalova A.I. *Obraz doma v russkoi proze 1920-kh godov* [abstract of dissertation]. Omsk, 2004. 25 p. (In Russ.)
- [9] Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [*Inside the thinking worlds. Man — text — semiosphere — history*]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 464 p. (In Russ.)
- [10] Ginzburg L.Ya. *O psikhologicheskoi proze. O literaturnom geroe* [*About psychological prose. On the literary hero*]. Saint Petersburg: Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2016. 704 p. (In Russ.)
- [11] Knorring I.N. *Povest' iz sobstvennoi zhizni: Dnevnik* [*The story of his own life: Diary: in 2 vol. Vol. 2*]. Moscow: Agraf Publ., 2013. 592 p. (In Russ.)

Article history:

Received: 20 February 2019

Revised: 26 February 2019

Accepted: 28 February 2019

For citation:

Koznova N.N. (2019). The transformation of the image of the house in the diaries of Irina Knorring. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 24(2), 196–203. <http://dx.doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-2-196-203>

Bio note:

Natalia N. Koznova, Doctor of Philology, Professor of Department of Journalism and Media Technologies of Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design. eLIBRARY SPIN-code: 7867-0682. *Contacts:* e-mail: nkoznova@mail.ru